

*Научный руководитель
Института экономики РАН
Член-корреспондент РАН
Р.С. Гринберг*

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

ПОИСКИ НОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ КАК ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА¹

Современная глобальная экономика, экономики ведущих стран мира, постсоциалистические экономики стран Центральной и Восточной Европы, бывшего СССР сформировались на основе неолиберальной экономической модели, возникшей на рубеже 1970–1980 годов, которая стала ответом на провалы кейнсианской парадигмы. Надо признать, что в рамках реализации данной модели был преодолен феномен блокирующей экономической стагнации, произошли революции в информационных технологиях и механизмах управления производством, в результате чего был дан мощный толчок инновационному развитию. Для стран с переходной экономикой были сформированы экономические модели на основе так называемого «Вашингтонского консенсуса», предусматривавшие программы реформ на принципах либерализации экономики, приватизации собственности, сокращения до минимума экономической роли государства, доминирования в государственной экономической политике монетаристских методов макроэкономического регулирования.

Сегодня, по истечении более чем 30 лет, мир столкнулся с новыми вызовами. В результате глобализации он стал более взаимосвязан и однороден, в нем доминирует одна глобальная держава и ее союзники по цивилизационному критерию. Однако «конец истории», как полагал Ф. Фукуяма, все-таки не наступил. В экономическом устройстве произошли серьезные изменения: инновационная экономика постепенно оказалась вытесненной моделью финансовой экономики, где на первый план вышли финансовые рынки, а не инновации как главный фактор повышения конкурентоспособности. В то же время начинается перераспределение сил в мировом экономическом пространстве, формируются новые полюса экономического роста – страны БРИКС. Традиционные механизмы регулирования и саморегулирования все чаще дают сбои, что, собственно, и подтвердил мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг.

Судя по всему, мир стоит на пороге кардинальных изменений в экономическом устройстве, смены моделей развития, возвращения на новых витках спирали в общем-то знакомых смыслов и понятий, ценностей и норм. Уровень непредсказуемости даже ближайшего будущего ныне чрезвычайно высок. Но некоторые посткризисные тенденции уже достаточно очевидны.

Первое – возвращение циклов. Отсутствие каких-либо серьезных потрясений и кризисов в

¹ География мирового развития. Выпуск 3: Сборник научных трудов / Под ред. Л.М. Синцера. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. 486 с.

странах-лидерах мировой экономики за последние 10–15 лет общем-то позволили многим всемирно известным экономистам сделать вывод о том, что циклический характер развития преодолен. Как полагали многие, рынок, в порядке самокоррекции обеспечивает динамизм развития, сложные эконометрические модели на основе теоретического «мейнстрима» дают возможность предвидеть и просчитывать риски, а финансовые инструменты (пресловутые финансовые инновации типа деривативов и прочее) позволяют так диверсифицировать и распределять риски по финансовой системе, что это в целом укрепляет устойчивость и безопасность в экономике в целом. Но циклы возвращаются. Мы мало что можем сказать об их периодичности, границы циклов во многом были смазаны и факторами регулирования, и колоссальным расширением рынков в связи с геополитическими и геоэкономическими изменениями в мире. Но теперь мы точно знаем, что циклы никуда не делись, хотя их хронология и изменилась. И мы должны быть готовы к тому, что антициклическое регулирование, применявшееся в 1950–1980-е годы, опять нуждается в актуализации. Очевидно и то, что должны быть выработаны новые механизмы антициклического регулирования.

Второе – переосмысление роли и места крупных организационно-экономических и организационно-правовых форм в современной экономике, корпоративного капитала, в том числе ТНК. Указания на то, что компьютерная эра приведет к повышению эффективности малых форм, что малый и средний бизнес выйдет на первые роли, с точки зрения факторов экономического роста, динамики структуры мировой экономики в целом не подтвердились. На самом деле продолжается волна слияний и поглощений, изменяется качественный состав лидеров гонки глобальной конкуренции, но именно крупные и крупнейшие корпорации остаются локомотивами национальных экономик. И эта тенденция прослеживается во всех странах и регионах мира. По совершенно рациональным основаниям меняется и антимонопольная политика, которая ориентируется не столько на масштабы корпораций и доли занимаемых ими рынков, сколько на конкретные проявления монопольного (антиконкурентного) поведения, факты нарушения антимонопольного законодательства.

Третье – реабилитация реального сектора экономики, материальной экономики вообще. Происходит девальвация самого понятия постиндустриализма. Есть некая ирония в том, что о постиндустриализме более чем уместно говорить применительно к постсоциалистическим странам, которые начали свои реформы с разрушения национальной промышленности, упрощения структуры экономики. И только в этом смысле промышленность освобождает место некоему потенциально постиндустриальному обществу. Она уходит не как некий отживший исторический феномен, а как следствие резко усилившейся глобальной конкуренции. О постиндустриализме можно говорить применительно к странам и территориям, которые не в силах сохранить национальные сегменты современной промышленности. Что касается лидеров глобальной экономики и транснациональных корпораций, то здесь скорее обратная тенденция, именно реиндустриализация.

Кроме того, сокращаются зоны для экспорта производительного капитала, где еще вчера низкая цена рабочей силы и слабая социальная защищенность наемных работников обеспечивали ТНК сверхприбылями. Одной из актуальных тем политико-экономической повестки дня становится репатриация промышленных производств, создание новых рабочих мест в экономически развитых странах по обе стороны Атлантики.

Четвертое – возвращение государства в экономику, возобновление его конструктивной роли в экономическом регулировании. Речь идёт о появлении ряда новых функций в деятельности государства как с точки зрения защиты национальных экономических интересов, так и систематической поддержки инновационной экономики и долгосрочного развития социальной инфраструктуры общества.

Успехи неоконсервативных революций 70–80-х годов в странах Запада и крах мировой социалистической системы, казалось бы, расставили все точки над “i”: исторический спор о соотношении государства и рынка в регулировании экономики решён в пользу безальтернативности рыночного саморегулирования и заведомой неэффективности и вреда государственного вмешательства в экономические процессы. Но реалии и глобальные мегатренды убеждают, что государственный капитализм рано списывать со счетов.

Особого рассмотрения в этой связи заслуживают не-западные модели развития на основе государственного капитализма. Эти модели связаны со вторыми и последующими волнами модернизации в так называемых новых индустриальных странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, в последнее двадцатилетие в Китае и Вьетнаме, в ареалах так называемой исламской модернизации (Турция, Иран, Малайзия, Индонезия), созвучного им опыта некоторых постсоветских стран (Азербайджан, Казахстан, Узбекистан), и, конечно, в странах БРИКС.

Можно выделить следующие характерные компоненты государственного капитализма азиатского образца. Политическая стабильность обеспечивается благодаря просвещенной авторитарной власти, постепенной демократизации, преемственности общего курса. Национализм, составляющий идеологию многих азиатских государств, ориентирован на перемены и использование внешних ресурсов в интересах народного хозяйства. Экономический динамизм достигается путём сочетания рынка с государственным регулированием и стимулированием ведущих промышленных концернов. Капитал встроен в планы развития и лоялен государству. Банки очень активны, причём объёмы доступных кредитов производству много превышают потребительское кредитование (в отличие от России).

Существуют и некоторые другие общие черты: в структуре экономики заметна повышенная по сравнению со среднемировым уровнем доля накопления и промышленности в ВВП. Не менее важная черта – выборочное заимствование зарубежного опыта, дозированная открытость, успешный синтез своего и чужого. Обновление при этом в растущей мере опирается на собственный потенциал, что, помимо прочего, доказано и сравнительно успешным преодолением

всей этой группой стран кризисных явлений 2008–2009 годов.

Активно привлекая зарубежных инвесторов, страны государственного капитализма добились и наибольших успехов в выборочном и потому результативном привлечении прямых инвестиций. Такие капиталы, направляемые преимущественно в реальный сектор, как известно, склонны «прилипать» к местной экономике и не склонны покидать страну размещения при неблагоприятных колебаниях конъюнктуры – в отличие от чересчур мобильных средств спекулятивного характера. Поэтому в ещё неокрепших рыночных экономиках следует делать ставку не на финансовые рынки, а развивать их вслед за нормальным кредитованием хозяйства (а не вместо него).

Возвращение вышеназванных четырёх глобальных тенденций симптоматично с точки зрения формирования новой модели российской экономики, особенно ввиду её глубокой интеграции в мировую экономику.

Здесь следует подчеркнуть сверхострую актуальность для России модернизационного проекта, для реализации которого следует учитывать объективные реалии и не откладывать перемены до хорошо известных критических контрапунктов истории.

Успех или неуспех модернизационного проекта зависит от предварительного решения ряда общих вопросов. Сегодня, как уже отмечалось, налицо множество признаков наступления переходной эпохи. Общим знаменателем здесь является резко усилившаяся турбулентность развития. При этом приходится иметь дело с принципиально новыми вызовами, ставящими мир перед действительно историческим выбором.

1. Критическое возрастание антропогенной и техногенной нагрузок на природно-географическую среду, экологические системы и даже ближний космос порождают многочисленные природные аномалии, сопутствующие им катастрофы, генерируют долгосрочные изменения климата, влияющие на изменение природных ландшафтов, таяние арктических льдов и повышение уровня мирового океана. Реальностью дня стали космические угрозы, связанные с астероидной и метеоритной опасностью. Эти планетарные вызовы требуют адекватного ответа со стороны мирового сообщества, национальных государств и их коалиций, международной и государственной координации и регулирования.

2. На глазах повышается градус напряжения истории. Многократно возрастает событийное содержание истории, скорость исторического времени. Мир становится остро конфликтным. Осмысление и интерпретация исторического процесса становится предметом идеологических и информационных войн. Распадаются старые и возникают новые государства, образуются новые цивилизационно-культурные и национальные границы. Получают теоретическое освещение войны и конфликты как неизбежные столкновения цивилизаций. Возвращается мир первенства геополитических интересов и связанного с ним политического сумасшествия в виде радикально-националистических движений, политизированного исламского фундаментализма, международного терроризма, этнополитического сепаратизма. Конкурентные отношения превращаются в поле битвы

экономических, а, затем, и классических «горячих» военных конфликтов и войн. В деятельности современных обществ и государств, политических классов становится критически важным наличие исторической памяти, исторического сознания и чувства исторической ответственности за выбор тех или иных альтернатив развития.

3. Содержанием социально-экономического развития становится очередной качественный, революционный скачок в развитии производительных сил. В науке и технологиях вызревают новые революционные открытия. Уже вырисовываются контуры новой экономической эпохи, нового технологического уклада, обнимающего все стороны производства и потребления. Эти неравномерные, скачкообразные процессы требуют осмысления, понимания и целенаправленной поддержки государства, бизнеса, общества.

4. В экономике резко усиливается нагрузка на недра, обостряется проблема истощенности природных ресурсов и технологических возможностей повышения эффективности добычи сырья. Кроме того, истощены ресурсы расширения рынков сбыта, которые придали дополнительные импульсы развития глобальной экономике после распада мировой социалистической системы и СССР, что способствует ужесточению глобальной конкуренции.

Современный экономический миропорядок все в большей степени становится миром социальных контрастов, нарастания социальной несправедливости, непримиримых социальных противоречий между островком богатства и благополучия (пресловутый «золотой миллиард») и остальным миром бедности и нищеты. В этих условиях общество вынуждено брать на себя ответственность за оказание поддержки неимущим слоям, искать новые модели социального государства.

Конечно, важно определиться с тем, какой тип модернизации нам нужен. Это может быть и прорывной вариант, а может, – и широкая социально-экономическая модернизация. Но в любом случае она не должна ориентироваться на технологические уклады вчерашнего дня. Мы не имеем права позволить себе «поэтапно догонять» лидеров, одолевая по очереди то, в чем отстали вчера и позавчера. Это и есть безнадежное дело «догоняющей модернизации».

Сегодняшние реалии России говорят о том, что разрушение многих отраслей и предприятий обрабатывающего сектора экономики сломало систему сложных организационных и кооперационных связей в промышленности, привело к утрате технологической культуры, кадров, депрофессионализации и деквалификации рабочего класса. Именно здесь кроются причины системных недостатков и катастрофических неудач в области ракетно-космической промышленности, оборонно-промышленного комплекса, включая международную торговлю оружием, гражданской авиации, регулярных техногенных катастроф, в частности в электроэнергетике, утраты конкурентоспособности продовольственного комплекса и роста напряженности вызовов и угроз продовольственной безопасности даже с учетом того, что, как это ни парадоксально, Россия остается одним из лидеров мировой торговли зерном.

Очень важен вопрос о соответствии масштабов, целей и задач модернизации, с одной стороны, и их ресурсного обеспечения – с другой. Нам вообще нужно уходить от идеологии расходов и трат, как это понимают бухгалтеры и счетоводы. Модернизации нужны новые поколения политиков, финансистов, финансовых менеджеров, которые понимают, что мы не «тратим и растрачиваем» деньги бюджета, а вкладываем и инвестируем.

Прежде всего, необходимо повысить долю инвестиций в ВВП; сегодня она одна из самых низких в мире и составляет около 20%, при незначительных колебаниях по годам в ту или иную сторону. При норме 20% ни одной стране не удалось только за счёт внутренних факторов продемонстрировать рост в среднем более чем на 3% в год. В советское время данная норма достигала 40%. Если бы удалось перейти к норме инвестиций хотя бы в 30–35%, тогда можно ожидать 5–6-процентный рост.

Логика и опыт подсказывают, что такой инвестиционно активный подход может быть реализован только тогда, когда модернизацию инициирует государство. Другой сопоставимый по возможностям субъект модернизации пока не просматривается. Иное дело, что государство должно реализовать широкий политический и гражданский стратегический альянс власти, общества, бизнеса, граждан – для солидарной деятельности по решению задач модернизации.

В этом смысле неожиданной может показаться оценка с социальных позиций исторического наследия П.А. Столыпина. Его реформы были необходимы стране, и он многое сделал для их осуществления. Однако в итоге они не устроили никого. Конечно, смерть великого реформатора губительно сказалась на деле его жизни. Но реформы погубили не только роковые выстрелы террориста Богрова. Их убили отсутствие консенсуса между основными классами и группами в обществе по поводу реформ, всеобщее социальное и политическое недовольство ими. Не в последнюю очередь в силу этого от великих реформ до великой революции оказался, по историческим меркам, всего один шаг. И об этом надо помнить, когда мы затеваем очередную модернизацию.

Отсюда значимость темы о субъектах, движущих силах и ценностно-мотивационных предпосылках модернизации. Когда мы об этом забываем, и уповаем только на пресловутую «политическую волю», «принуждение к прогрессу», то даже если пригласить лучших специалистов, постоянно плодить научные концепции, на выходе опять будем иметь очередной образец литературного творчества, интересного лишь для узкого круга авторов-единомышленников документа и, возможно, для историков экономической мысли. Принять и разделить тяготы и издержки модернизации общество может только тогда, когда между ним и властью есть доверие, взаимопонимание и согласие по поводу целей и средств модернизации.

И ещё о социальных сторонах модернизации. Конечно, модернизация всегда несет с собой неизбежные риски и потери, социальные тяготы. Но надо иметь в виду и следующее. Нищета и простое воспроизводство, нищета и расширенное воспроизводство, определенное экономическое

развитие и контрасты социального неравенства в определенных границах совместимы. Но представить себе сочетание нищеты и инноваций, модернизацию при одновременном фронтальном наступлении на социальные и человеческие права граждан, выстраивание новых инновационных институтов при деградации социальной и социокультурной инфраструктуры общества сегодня невозможно. Даже известные мобилизационные модели модернизации с необходимостью требовали системных решений в области развития социальной инфраструктуры, создания системы социальных прав и гарантий граждан.

Поэтому, если мы и дальше в своем социальном умысле продолжим ориентироваться на известные опыты радикального неолиберального реформирования, то о модернизации, инновационном развитии, экономике, основанной на знаниях, придется забыть. Не может человек, который вынужден работать для заработка на пяти работах, думать об инновациях или каких-либо еще высоких материях типа «образование в течение всей жизни», культурном досуге, творчестве и т. д.

Для человека креативного, для «класса развития», подлинного интеллектуального класса (а не пресловутого «среднего» – по уровню доходов и потребления) нужна совершенно иная среда. Поэтому, конечно, есть особые социальные аспекты модернизации, которые требуют устранения остаточных деформаций социального наследия 1990-х годов, корректировки курса в области науки, образования, здравоохранения, культуры, которые в 2000-е годы превратили общее (общенациональное) дело Культуры в поприще лишь для узкого круга элиты, а в области науки и образования привели к возникновению своеобразных научно-образовательных «газпромов» и «роснефтей», обеспечивающих воспроизводство этой элиты, но не способных выполнять те социальные функции, которые эти институты несли в себе как публичные институты производства и распространения знаний; воспитания и становления личности; социальных лифтов и источника формирования «класса развития».

И последнее, самое, быть может, важное. Сегодня лидеры мирового экономического развития, и прежде всего США, все силы и ресурсы государства и нации концентрируют на управлении будущим, целенаправленном и планомерном создании научных, научно-технических, инновационных и технологических заделов. И здесь лидирует государство, отдавая странам второго эшелона прогресса и коммерческому сектору освоение ближнего космоса, значительную часть IT-экономики, других отраслей предыдущего уклада. Прорывные военные технологии, медицина, биотехнологии и фармацевтика, нанотехнологии, информационно-телекоммуникационные технологии, основанные на новых принципах, революция в материалах – все это поддерживается государством, естественно, в тех специфических формах, которые характерны для американской системы регулирования интеллектуального производства, сотрудничества с бизнесом там, где лежат основополагающие национальные интересы и долгосрочные стратегические ориентиры, направленные не просто на лидерство, но и на

экономическое доминирование в будущем мире. Учёт этих мировых трендов и императивов развития требует, настоятельно диктует воссоздание в России систем стратегического целеполагания, стратегического планирования и управления, политических, экономических и институциональных механизмов выработки и реализации стратегических приоритетов.

Сегодня прогресс человеческой цивилизации и её главные ценности – человек, его жизнь и здоровье, достоинство, права и свободы – обуславливают то, что человеческое измерение развития становится главным в системах глобальной экономики на всех её уровнях, в региональных и национальных подсистемах. Защита прав и свобод человека представляет собой подлинное содержание обеспечения глобальной, региональной, национальной и иных локальных видов и разновидностей безопасности.

В системе западной цивилизации это понимание сформировано в новое время и стало основой общества модерна и постмодерна, способствует продуктивному синтезу конкурентной рыночной экономики, развитию гражданского общества, правового государства с широким набором социальных функций и гарантий. Одновременно это является универсальной тенденцией, закономерностью, по которой можно судить о реальном прогрессе модернизирующихся обществ как стран третьего мира, так и постсоциалистических. Это важное методологическое положение, потому что любые варианты мобилизационного развития с принесением в жертву демократических ценностей, прав и свобод человека, уступками авторитаризму может дать лишь частичный и ограниченный во времени экономический результат, абсолютно не гарантирующий достижение стратегических целей модернизации, выхода на рубежи информационного общества и экономики, основанной на знаниях. Однако и сегодня, несмотря на исторические уроки и позитивный пример наиболее успешных стран, соблазн и искус авторитаризма, развитие ценой ущемления прав и свобод личности остаются реальной угрозой и непреодолимым препятствием на пути социально-экономического прогресса, формирования свободного, открытого и демократического общества.

В России в период рыночной трансформации, по сути, полностью сменилась парадигма безопасности и развития, институтов и механизмов её обеспечения. Очень важно, что права и интересы личности в данной системе – практически равноценные понятия наряду с интересами государства и общества. Вместе с тем самые насущные права и свободы личности, связанные с её достоинством, материальными и нематериальными интересами, ещё не стали безусловной ценностью, социальным и политическим императивом как для власти, так и для общества, государства, бизнеса, всех слоев общества и элит. Социальная поляризация и раскол общества, резкие социальные контрасты и конфликты интересов постоянно провоцируют соблазны, дополнительные стимулы и аргументы для использования авторитарных методов, сужают границы свободных конкурентно-рыночных отношений. Экономически это толкает к историческим рецидивам мобилизационных моделей догоняющей модернизации с её вечным парадоксом соревнующихся Ахилла и черепахи. Политически это опять выталкивает модернизирующееся

общество на «особые пути развития», в плоскость непонимания и напряженности в контактах с внешним миром.

Кстати, Запад сегодня также во многом живет в координатах устаревшей парадигмы безопасности. Тот разрыв в образе, стиле и уровне жизни, который характерен для стран «золотого миллиарда» и остального мира в условиях глобального информационного общества, доступности любой информации в системе «онлайн» и недоступности для всех равных возможностей «здесь и сейчас», подрывает основы глобальной безопасности, создает принципиально новые вызовы и угрозы для национальной безопасности богатых стран. Глобальное доминирование США и ЕС, попытки унифицировать мир и навязать ему свои ценности, в том числе путем гуманитарных интервенций, не могут помочь в поиске новой парадигмы развития и безопасности, их гармонизации. Сегодня ни ограничения модели «устойчивого развития», ни «обезболивающие» глобальные институты благотворительности не решают проблемы мира как несходимых параллельных миров социального Эдема и социального Ада.

Нужна новая парадигма – самоограничения полюса богатства и продуктивного развития полюса бедности. Здесь уместно сослаться на идеи экс-премьер-министра Испании Х.Л.Р. Сапатеро о государстве в эпоху глобализации, как об институте, гарантирующем безопасность граждан в качестве главного условия свободы; отстаивающем социальную сплоченность, справедливость, беспристрастность, уравновешенность и гармонию в обществе; стимулирующем экономический рост; несущем ответственность за обеспечение законности и международной безопасности. Словом, нужен такой мировой порядок, в котором будет обеспечена прочная экономическая безопасность на основе социально ответственной рыночной экономики и модернизированного государства.